

III. ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» — ЗАРОЖДЕНИЕ ОПОРТУНИЗМА

«До начала 90-х годов социал-демократия оставалась идейным течением, без связи с массовым рабочим движением в России».

Ленин. «Социализм и война», т. XVIII, стр. 218.

«Подражание и заимствование вполне законны постольку, поскольку и в России мы видим те же основные процессы развития капитализма, те же основные задачи социалистов и рабочего класса, но они ни в каком случае не должны вести к забвению особенностей России, которые должны найти полное выражение в особенностях нашей программы».

Ленин. «Проект программы нашей партии», т. II, стр. 514.

1. Западничество и конституционализм Плеханова

Увлекаемые похвальным желанием покончить с долго тяготевшими над революционным движением в России народническими теориями, первые теоретики русской социал-демократии проглядели *действительные* особенности русского экономического развития и в *русском* марксизме усмотрели некую разновидность *западничества*, противопоставленного *славянофильскому* народничеству. Этот взгляд на марксизм, как на особый вид западничества, проходит красной нитью в социал-демократических трудах Плеханова.

Уже в предисловии к первой своей марксистской работе «Социализм и политическая борьба» Плеханов, говоря о несоответствии идеалов «Земли и Воли» положению промышленных рабочих, призывает пересмотреть теоретические взгляды народничества. «И это будет очень кстати теперь,— прибавляет Плеханов, когда теория русской самобытности становится синонимом застою

и реакции, а прогрессивные элементы русского общества группируются под знаменем осмысленного «западничества»¹.

Но если в первой своей работе он «западничество» заключает в робкие кавычки, то в дальнейшем он трактует социал-демократию как ярко выраженный вид западнического движения. Мы можем привести ряд высказываний Плеханова, свидетельствующих о том, что именно так Плеханов смотрел на русскую социал-демократию.

«Русский рабочий класс — это тот класс, которому суждена *наиболее европейская роль* (курсив Плеханова) в русской политической жизни, поэтому и партия, представляющая его интересы, необходимо будет и *наиболее западническою* (курсив Плеханова) *изо всех русских партий*» («Социал-демократ». Книга 1-я, февраль 1890. Собр. соч., том III, стр. 238). «Экономическая европеизация России необходимо поведет за собою и ее политическую европеизацию, т. е. изменение ее конституции в духе новейших европейских конституций» («С.-д.». Книга 2-я, август 1890 г. Собр. соч., том III, стр. 240). «Но ведь ясно, как день, что и без пролетариата не обойдется дело нашей политической европеизации» (там же, стр. 259). «Когда она откажется от своих нелепых «самобытных» теорий, тех теорий, в которых

Русский ум и русский дух
Зады твердит и лжет за двух,

когда она сумеет взглянуть на русские общественные отношения с надлежащей, *европейской* точки зрения, она увидит, что положение ее вовсе не безнадежно, и найдет широкое поприще для самой плодотворной общественной деятельности. До тех же пор, пока она останется при своих *азиатских* понятиях, ей нечего и думать о перенесении в свою страну *западно-европейских политических учреждений*» (там же, стр. 266). Эту излюбленную мысль Плеханов повторяет и в своих статьях «Русский рабочий в революционном движении», напечатанных в «Социал-демократе». «Русский рабочий *не может не быть западником*, как русский интеллигент не мог не быть, по крайней мере, до известной степени и до поры до времени *самобытником*» (там же, стр. 209).

Эти воззрения на западнический характер русского марксизма и социал-демократии составляют ту его особенность, которая наложила отпечаток на весь последующий ход развития Группы «О. т.».

К западничеству Плеханова близко примыкает и его «конституционализм».

В первых трудах Группы «О. т.» Плеханов, стремясь внести ясность в путаницу понятий, господствовавшую в революционной среде, заострил внимание на вопросе о политической борьбе. Этот вопрос он осветил одним из основных положений «Комму-

¹ Плеханов, т. II, стр. 27.

нистического манифеста» — «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Плеханов, в согласии с Марксом, признает, что классовая борьба пролетариата в конечном счете приведет его к политическому господству, к диктатуре, что экономическая борьба пролетариата неотделима от его политической борьбы, ибо это две формы единой *классовой* борьбы. Но при первых же попытках применить эти принципы марксизма к практике революционной борьбы в России в позиции Плеханова обнаруживается целый ряд оппортунистических отклонений. Политическая борьба пролетариата у него *раздробляется* на ряд «фазисов», из которых первый, ближайший — это борьба «за политические права», «за конституцию». Для того, чтобы пролетариат получил возможность вести борьбу с буржуазией за политическое господство, он должен *сначала* все свои силы бросить на борьбу за политические права, т. е. добиться такого же положения, как и пролетариат Зап. Европы. Такое *механическое* отделение политической борьбы русского пролетариата от его социалистической борьбы вело к принижению революционных задач рабочего класса, низведению революции в России к борьбе за политические права, рабочего движения — к одному из отрядов конституционного движения. Этим Плеханов делал шаг назад и по сути дела возвращался на позиции народофильства, с которым неслучайно Группа «О. т.» в течение многих лет добивалась объединения. «Сначала борьба за политические права (курсив Плеханова), как за необходимое условие дальнейшего развития рабочего класса, потом борьба за политическое господство (курсив Плеханова), как за необходимое условие его экономического освобождения», — такова формула Плеханова («Политические задачи русских социалистов», том III, стр. 91). И эти «сначала» и «потом» настолько резко отделены друг от друга, что Плеханов готов до решения этой ближайшей задачи отказаться от самостоятельных классовых задач пролетариата. «Если торжество политической свободы будет полезно для нашего дела, то ясно, что надо добиваться политической свободы и отложить решение всех прочих спорных вопросов до того счастливого времени, когда судьба России будет вырвана из рук коронованного урядника и мы получим возможность, не боясь «законного» возмездия, спорить при полном свете дня, думать то, что хотим, и говорить то, что думаем. Согласие родит силу, а мы как бы нарочно стараемся плодить разногласия, и притом плодить их по таким вопросам, которые не имеют теперь практического значения» (том III, стр. 386—387).

Но почему Плеханов так настойчиво призывает не «плодить разногласий»? Для объединения всех сил, стремящихся к политической свободе. В этом отношении весьма показательны рассуждения Плеханова в его статье «Как добиваться конституции» (разговор конституционалиста с социал-демократом). «Вообразим себе, — говорит социал-демократ, — что петербургское «об-

щество», проникшись революционным духом, строит баррикады, между тем как рабочий класс остается в стороне от этого движения. Одной полиции, одних дворников было бы достаточно для того, чтобы перевязать представителей «общества» и рассадить их по участкам. Отсюда неизбежно следует такой вывод: для того, чтобы добиться конституции, мы должны вовлечь рабочий класс в борьбу против абсолютизма, возбудить в нем симпатии к свободным политическим учреждениям. Другого пути у нас нет и быть не может... но, с другой стороны, изо всего сказанного ясно, что, приглашая социалистов оставить на время всякую мысль о пропаганде в рабочей среде, наши либералы обнаруживают полное непонимание своих собственных интересов. Политическая свобода будет завоевана рабочим классом или ее совсем не будет» (том III, стр. 16).

Таким образом, Плеханов отказывается от самостоятельных классовых задач пролетариата и тем самым отдаёт рабочий класс и его революционную силу на службу конституционному движению. «Политическая свобода будет завоевана рабочим классом» не в борьбе с буржуазией, а при поддержке последней путем «возбуждения» в нем «симпатий к свободным политическим учреждениям». Утверждая, что предложением «социалистов оставить на время всякую мысль о пропаганде в рабочей среде наши либералы обнаруживают полное непонимание своих собственных интересов», Плеханов сам обнаруживает неясное представление о расстановке классовых сил в России и, в частности, о политических тенденциях русской буржуазии. Последняя, несмотря на свою политическую отсталость, уже на заре своей юности понимала, что пролетариат, «распропагандированный» социал-демократией, острие своего оружия направит не только против самодержавия, но и против самой буржуазии. Последующий ход русской революции доказал, что классовый инстинкт не обманул буржуазию: как известно, рабочий класс сверг самодержавие *в борьбе и против буржуазии*.

Вообще уже в раннюю эпоху Группы «О. т.» Плеханов, а вслед за ним Аксельрод и Вера Засулич обнаруживают соглашательские тенденции по отношению к либеральной буржуазии. В письме к Аксельроду (начала 1888) Плеханов пишет: «Вера (Засулич. — С. Ч.) просит переслать Вам ту часть письма, где она говорит о конституции. Исполняю ее желание: с соображениями ее я вполне согласен». В архиве П. Б. Аксельрода это письмо не сохранилось, но, по его воспоминаниям, В. И. Засулич писала, что социал-демократы должны проявлять больше готовности идти навстречу возможному конституционному движению. Вот с этой установкой «вполне согласен» Плеханов (см. «Переписку» Плеханова и Аксельрода, том I, стр. 34—36). В черновом наброске передовой статьи для сборника «Социал-демократ» Плеханов еще более выпукло выражает эти мысли. «В падении абсолютизма одинаково (курсив наш) заинтересованы люди

самых различных политических направлений: от умеренного либерала до социалиста в западно-европейском смысле этого слова. Конечно, на этом основании смешно было бы говорить о полной солидарности этих партий». «В будущем, — говорит Плеханов, — этим партиям предстоит взаимная борьба, но это будущее наступит *после* завоевания политической свободы». А пока что Плеханов предлагает «забыть другие цели» и «иметь в виду только политическую свободу» (см. «Переписку», стр. 40—41).

Таким образом, начавши с борьбы с народничеством и народо-вольчеством во имя соединения социализма и политической борьбы на теоретической базе марксизма, Плеханов на *практике* к концу 80-х годов опять их *разъединил* и тем скатился к народо-вольчеству. Завоевание политической свободы — это не один из этапов классовой борьбы пролетариата, как об этом неоднократно говорил Плеханов в своих теоретических работах, а некое предварительное действие, стоящее *вне* классовой борьбы, создающее лишь благоприятные условия для последней. Ошибки Плеханова состояли в том, во-первых, что, как только речь заходит о политической борьбе пролетариата, он представляет ее не в виде *единого* процесса *классовой борьбы*, конечным пунктом которой является завоевание политической власти, а завоевание политической свободы (устранение самодержавия) является не одним из этапов к этой конечной цели, а в виде двух, друг от друга механически оторванных процессов: политического и экономического освобождения... «Перед русским рабочим классом, — говорит он, — стоят две задачи: одна — экономическая, другая — политическая» (II, 366). Вторая, не менее серьезная, ошибка Плеханова состояла в том его неправильном представлении, что пролетариат будто бы может обрести *политическое сознание* не в процессе борьбы со своими классовыми противниками, а вне ее — путем «возбуждения симпатий к свободным политическим учреждениям». И та и другая ошибка влекли за собой *не развитие классового сознания* пролетариата, — что Плеханов и Группа «О. т.» справедливо считали основной задачей социал-демократической партии, — а *притупление* его, подчинение рабочего движения целям и стремлениям буржуазной политики, принижение только что пришедшего в движение рабочего класса до уровня *народной массы*, которая своей массовой энергией обречена была возбуждать и поддерживать либеральное конституционное движение.

Эти оппортунистические ошибки раннего русского марксизма имели бы хоть какое-либо оправдание, если бы ценою их облегчена была возможность завоевания «политических прав», т. е. свержение самодержавия. Группа «О. т.», несомненно, так и представляла дело. Она ставила ставку на *революционность* русской буржуазии. «В тех странах, где буржуазный строй достиг уже полного своего развития, прогрессивные движения могут иметь место только среди рабочего класса. Буржуазия играет

там исключительно консервативную, если не реакционную роль. Но не то мы видим в отсталых странах, где буржуазные порядки еще не сделались господствующими. Там сама буржуазия играет революционную роль по отношению к старым, отжившим общественным порядкам» (III, 91—92). И дальше он проводит параллель с ролью немецкой буржуазии в революции 1848 г. в Германии. В похвальном стремлении «добиться конституции» Плеханов не заметил всей глубины своих же мыслей: «Да, Россия не Запад! Да, русская жизнь имеет свои неоспоримые особенности! Но в чем заключаются они, эти особенности?.. *Политическое сознание в русском рабочем классе пробудилось раньше, чем в русской буржуазии*» (подчеркнуто Плехановым. Там III, стр. 208). Из этой глубоко подмеченной особенности Плеханов, однако, не сделал тех революционных выводов, которые сделали впоследствии Ленин и большевики. Именно вследствие этой «особенности» русская буржуазия не в состоянии была играть ту революционную роль, которую сыграла накануне буржуазной революции немецкая буржуазия. И именно по этой причине задача русских социал-демократов состояла в *углублении классовой борьбы* пролетариата, в поднятии его классового сознания, в выявлении его классовых врагов (не в теории, а на практике), а не в призыве «забыть все другие цели» во имя призрачного единства всех сил, «добивающихся конституции».

2. Причины оппортунистических тенденций Группы «Освобождение труда»

«В чем же причины оппортунистических тенденций Группы «О. т.» в этот период (вторая половина 80-х гг. и начала 90-х)? Почему Плеханов, дав в своих первых трудах в *общем* последовательно марксистскую концепцию, в своих позднейших публицистических статьях, имевших целью наметить *практические* задачи социал-демократического движения в России, стал скатываться к оппортунизму и социал-конституционализму? Основная *причина* в том, что Группа «Освобождение труда» начала действовать в условиях, когда рабочее движение в России находилось еще в зачаточном состоянии. В этом отношении уместно сопоставить едва ступившую тогда на путь капиталистического развития Россию и капиталистический Запад. В то время как марксизм на Западе явился как продукт обобщения опыта уже развившегося революционного рабочего движения, в России учение Маркса появилось до известной степени до того, как рабочее движение проявилось как сознательное движение пролетариата. Русский марксизм делал вывод о необходимости классового движения в России из доказанного им *факта* капиталистического пути развития. Перед русским марксизмом революционное движение пролетариата в России находилось в неизвестном будущем. Пролетарское движение в России *неизбежно* должно прийти, — были

уверены основоположники социал-демократии. «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может!» (Из речи Плеханова на Парижском конгрессе II Интернационала в 1889 г.).

Но в первое десятилетие деятельности Группы «Освобождение труда» рабочее движение еще не было «революционным движением пролетариата», которое могло бы укрепить теоретические позиции Группы «О. т.» Положение Группы «О. т.» было действительно, по выражению Плеханова, похоже на положение крыловской синицы, похвалявшейся море счесть. Молодая русская социал-демократия, едва успев возникнуть, попала в тяжелое противоречие.

Этой противоречивостью положения Группы «О. т.» объясняется, что с *пролетарской теорией* Плеханов вынужден был обращаться не столько к пролетариату, сколько к «революционной интеллигенции» и к либеральной буржуазии. У Плеханова были две мерки в трактовке политических задач русского пролетариата. Одна — для рабочих, другая — для «революционной интеллигенции» и либералов. На обращениях к рабочим в этот период лежит печать абстрактности, пропаганды общих принципов марксизма, при этом он имеет в виду не рабочий класс, а тех одиночек из рабочего класса, которые становились в авангарде рабочего движения и нуждались в теоретическом перевооружении. Этим одиночек он призывал к подготовке элементов будущей пролетарской, классовой социал-демократической партии, которая рисовалась в туманной дали. В отношении ближайших политических задач Плеханов призывал сознательных рабочих вести пропаганду и агитацию в широких рабочих массах за созыв «земского собора» (смотри его предисловие «К четырем речам рабочих»).

Другую мерку, притом более конкретную, Плеханов применял в выяснении социал-демократических позиций перед «революционной интеллигенцией» и либералами. В этих последних он пытался возбудить революционную и оппозиционную энергию для борьбы за политическую свободу ссылками на революционное значение поднимающегося рабочего движения. При этом, как мы отмечали, *самостоятельные* классовые задачи пролетариата затушевывались, отодвигались в далекое будущее, которое должно было наступить *после* завоевания политической свободы. А до того рабочий класс изображался деятелями Группы «О. т.» перед «революционной интеллигенцией» и либералами, как *материал*, который не только не опасен для либеральной буржуазии, но, напротив, может быть использован «революционерами» и либералами в борьбе с царизмом, так как их ближайшие задачи совпадают. Рабочие, по мысли деятелей Группы «О. т.», призваны были играть роль «толкача» по отношению к «революционерам» и либералам в их борьбе за «политические права». Доказательству революционного значения пролетариата для дела завоевания политиче-

ской свободы либеральной буржуазией принадлежит добрая доля публицистической деятельности Плеханова в этот период.

Разумеется, такая трактовка политических задач русского пролетариата не только далека от идеи гегемонии пролетариата в русской революции¹, — она является прямым выражением *неверия* в силу русского рабочего класса, в его способность играть какую-нибудь *самостоятельную* роль в русской революции. Отсюда — русский рабочий класс обрекался на роль придатка в либерально-буржуазном движении.

Ранний оппортунизм Группы «О. т.» дитался не только слабостью рабочего движения в России, но и оторванностью ее от тех молодых ростков социал-демократического движения, которые стали буйно прорываться в промышленных центрах России. Десятки социал-демократических пропагандистских кружков, охватывавших сотни передовиков рабочих, активное участие последних в стачечном движении говорили о том, что пролетариат выходит из политической спячки и готов выступить на широкую дорогу классовой политической борьбы. Перед российскими практиками молодого социал-демократического движения, опиравшимися на едва вышедшее из пеленок рабочее движение, расстилалась перспектива мощного в ближайшем будущем пролетарского движения. Классовые задачи пролетариата на их глазах вытекали из реальной русской действительности; марксистская теория лишь подтверждала и подкрепляла их практику. Поэтому при не столь высоком теоретическом уровне российские практики социал-демократического движения тверже стояли на *классовых* позициях, чем теоретики из Группы «О. т.». Они были далеки от того, чтобы обращаться «с уговариванием» к «революционной интеллигенции» и к буржуазным либералам, — они все свои расчеты строили на *классовое* движение пробуждающегося пролетариата. Об этом достаточно красноречиво говорят «Четыре речи рабочих», произнесенные 1 мая 1891 г. в Петербурге.

А оторванные хотя и от слабого социал-демократического движения в России основоположники русского марксизма, достаточно овладевшие марксистской теорией, оказались не в состоянии сохранить классовую революционную последовательность при первых попытках применить революционную теорию к русским политическим условиям. Владея теоретическим оружием научного социализма, они все свои расчеты строили не на рабочем классе, а на чуждых и враждебных последнему классах.

¹ Некоторые «поклонники» Плеханова утверждают, что идея гегемонии пролетариата проходит красной нитью в трудах Группы «О. т.» с самого начала ее существования. Об этом подробнее ниже.

3. Отношение Группы «Освобождение труда» к крестьянству

В своем увлечении «западничеством» и в борьбе с «славянофильствующим» народничеством Плеханов проглядел другую основную «особенность русской жизни». Мы имеем в виду взгляды Плеханова и Группы «О. т.» на роль многомиллионного крестьянства в русской революции.

В этом вопросе Плеханов обнаружил немало шатаний. Конечно, здесь сказалось все прошлое русского революционного движения, из которого вышли основатели Группы «Освобождение труда», а это прошлое, как мы знаем, связано с крестьянством, которое принесло немало «разочарований» революционерам 70-х годов. Крайне восторженное увлечение «социалистической душой» крестьянства сменилось столь же крайним отрицанием какого бы то ни было его революционного значения. Говоря о революционной роли пролетариата и рабочей партии, Плеханов уже в одной из своих первых марксистских работ — в «Наших разногласиях» — говорит: «Но мелкие поземельные собственники окажут сильное сопротивление социалистическим тенденциям рабочей партии, — возразят самобытники. Всего вернее, что — да; но зато будет кому и бороться с этим сопротивлением. Появлению класса мелких собственников соответствует возрастание численности и силы революционного пролетариата, который придаст, наконец, жизнь и движение нашей тяжеловесной государственной машине. Сопротивление не страшно там, где есть способная победить его историческая сила... Кроме того, нужно иметь в виду, что та же самая рабочая партия будет служить у нас проводником для западных влияний. Рабочий не останется глух к движению европейского пролетариата, как это легко могло бы случиться с крестьянином. Соединенные же силы внутреннего и международного движения будут более чем достаточны для победы над реакционными стремлениями мелких собственников» (том II, 348—349)¹.

Таким образом, крестьянство в целом не только исключается Плехановым из рядов возможных союзников пролетариата, но ему предназначается обязательная роль его противника. При этом в рассуждениях Плеханова идет речь о позиции крестьянства даже не *после* победы пролетарской революции, а в *процессе* революционной борьбы пролетариата. В первой «пробе пера» русско-марксистского его основатели еще не различали двух фаз революции в России, буржуазно-демократической и социалистической, и не поняли, что крестьянство в целом является естественным союзником пролетариата в буржуазно-демократической революции. Буржуазно-демократическая революция подменялась ими борьбой «за конституцию». Ведя борьбу — и совершенно пра-

¹ Как видит читатель, «честь» «открытия» «идеи» «перманентной революции» принадлежит вовсе не г. Троцкому. Залогом до него, в начале 80-х годов, «зародыши» этой «идеи» находятся у Плеханова.

вильно — против утопических народнических теорий крестьянского социализма, они не поняли буржуазно-демократического содержания крестьянского движения. И можно было бы понять и не вспоминать этой ошибки молодости, если бы она позднее была ими исправлена. Но в дальнейшем развитии Группы «О. т.» эта ошибка углублялась: крестьянство превратилось у основателей Группы «О. т.» в сплошную «реакционную массу».

Крестьянство трактовалось ими как социальная опора русского самодержавия («Русский царизм опирался в течении столетий на тупись русских крестьян» — Плеханов), как антипод пролетариату. «Пролетарий и «мужичок» — это настоящие политические антиподы. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужичка». На «мужичке» целые тысячелетия держались восточные деспотии» (том III, стр. 382—383). Исключивши крестьянство из строя революционных сил, Плеханов естественно приходит к выводу: «Кроме буржуазии и пролетариата мы не видим других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные комбинации» (III, 119. «Еще раз о принципах и тактике русских социалистов». 1889 г.). В этом корень плехановского «конституционализма» и соглашательских тенденций по отношению к либеральной буржуазии.

4. Итоги

Можно считать установленным, что в своих первых выступлениях Группа «О. т.» в общем стояла на почве *революционного* марксизма в том его чистом виде, в каком он был разработан в трудах основоположников научного социализма — Маркса и Энгельса. Задачи, которые ставились при своем *возникновении* Группой «О. т.» перед русской социал-демократией, всецело совпадали с теми задачами, которые Маркс и Энгельс ставили перед международным рабочим движением.

Но, как мы показали выше, Группа «О. т.», в своем дальнейшем развитии *теоретически* оставаясь на революционных позициях Маркса — Энгельса, в вопросах тактики и политики русского соц.-дем. движения постепенно скатывалась на путь оппортунизма. Это несоответствие между теоретической последовательной марксистской основой и оппортунистическими тенденциями в тактических и политических воззрениях составляет характерную особенность Группы «О. т.» за всю историю ее существования.

Нет надобности в эпоху ленинизма и после всемирно-исторического опыта русской революции полевизировать с отошедшими в вечность основателями русского марксизма. Пролетариат, руководимый своей революционной большевистской партией, в *союзе* с крестьянством *против* буржуазии совершил буржуазно-демократическую революцию и, долго не дожидаясь, — не остана-

вливаясь на парламентаризме, — перевел ее в революцию социалистическую. Между «сначала» («ближайшие политические задачи») и «потом» («отдаленная цель») вовсе не легла длительная полоса «мирной» «классовой борьбы», как это представляла себе Группа «О. т.». Благодаря тому, что пролетариат, руководимый ленинской большевистской партией, смог в эпоху буржуазно-демократической революции привлечь на свою сторону крестьянство, последняя непосредственно *переросла в социалистическую*. Конституционализм русской либеральной буржуазии, на который возлагала так много надежд Группа «О. т.», оказался мертворожденным. «Западничество» Плеханова, не учитывавшее *особенностей* капиталистического развития России и место последней в международной капиталистической системе, выродилось в голое догматическое *подражание* «Западу».

Таковы «детские болезни» раннего русского марксизма. Но эти «детские болезни» оказались неизлечимыми: они перешли и в зрелый возраст русской социал-демократии, как теоретическая основа *меньшевизма*.
